

Черноморский флот на службе первой дипломатической миссии России в Греции

 Е.П. Кудрявцева

Институт российской истории РАН

В статье представлены малоизвестные факты, касающиеся присутствия российских военных судов на службе первой в Греции российской дипломатической миссии. Данный сюжет ещё не был предметом рассмотрения в научной литературе; новые документы из Архива внешней политики Российской империи при МИД РФ позволяют пролить свет на неизвестную до сих пор деятельность российского Черноморского флота, базировавшегося вблизи Пелопоннеса. Целью предпринятого исследования является анализ деятельности судов Черноморского флота в качестве части дипломатического обеспечения российской миссии в Навплии и Афинах в первые годы существования греческого государства. После провозглашения независимости Греции Россия установила с ней дипломатические отношения, послав в столицу своих дипломатических чиновников, а также консулов на целый ряд островов Архипелага. Турецкое правительство разрешило проход через Босфор и Дарданеллы нескольких лёгких военных судов Черноморского флота для выполнения срочных поручений российского посланника и дипломатической почтовой связи. Это разрешение требовалось в связи с тем, что, согласно условиям предшествующих русско-турецких договоров, Россия не имела права проводить через Черноморские проливы свои военные суда. До учреждения российской миссии в Греции такое разрешение имели лишь несколько лёгких военных фрегатов при миссии России в Константинополе. На о. Порос, близ Пирея, располагался русский лагерь, а капитанами российских судов, ежегодно менявшихся на службе при российской миссии, были молодые морские лейтенанты – В.А. Корнилов, В.И. Истомин и Е.В. Путятин – будущие адмиралы, впоследствии прославившиеся на морской и дипломатической службе.

Ключевые слова: русско-греческие отношения, российское посольство, Греческий архипелаг, Черноморский флот, дипломатия, военные бригады, В.А. Корнилов, В.И. Истомин, Е.В. Путятин

УДК: 327(495:470)"18"+359.09(470.75)

Поступила в редакцию: 10.03.2025

Принята к публикации: 11.06.2025

Революция 1821 г., начавшаяся в Греции, стала катализатором Восточного кризиса, длившегося на протяжении почти 10-летнего периода и завершившегося предоставлением Греции полной независимости. В кризис были вовлечены ведущие европейские страны. Следует признать, что в греческом вопросе, представлявшем для России немалый интерес как в геостратегическом, так и в геополитическом отношении, российские власти не смогли добиться желаемого результата и перехватить у Великобритании роль главного арбитра в греко-турецком конфликте. Активное вмешательство Англии и Франции привело к тому, что греческая проблема стала общеевропейской, чему, в частности, способствовал слишком длительный период нерешительности Российского МИД, когда он не мог чётко сформулировать своего отношения к Греческой революции. Симпатия русского общества к грекам имела давние традиции – эллинофильские настроения были широко распространены в разных кругах российского общества. Многие даже консервативно настроенные политические и государственные деятели России сочувственно отнеслись к освободительному движению в Греции (Фадеев 1958: 81). Однако российское правительство, постоянно оглядываясь на европейских союзников, не посмело оказать действенную помощь «бунтовщикам». Всё это привело к тому, что Греция, как объект политического влияния, была надолго потеряна для России. «Та самая Греция, которая должна была дополнять систему политического преобладания нашего на Востоке, оказалась не только нам недружественной, но и прямо враждебной», – сокрушался историк-дипломат С.С. Татищев (Татищев 1887: 123).

С историей первых шагов самостоятельной Греции связан сюжет, до сих пор не освещённый в научной литературе, а именно: деятельность судов российской эскадры на службе российской миссии в Афинах и греческого правительства. Этот сюжет имеет особую важность в связи с тем, что приоткрывает неизвестные страницы в судьбах выдающихся русских флотоводцев – В.А. Корнилова, В.И. Истомина и Е.В. Путятина, сыгравших в последствии выдающуюся роль в истории нашего государства. О службе молодых капитанов лёгких военных судов на рейде греческой столицы свидетельствуют неизвестные до сих пор документы из фонда «Миссия в Афинах» (ф. 165) Архива внешней политики Российской империи при МИД РФ. Здесь находится переписка моряков с Черноморским начальством и дипломатическими представителями России в Греции и Османской империи.

Несмотря на то, что история становления независимой Греции привлекала достаточное внимание отечественных специалистов (работы Г.А. Арша, О.Е. Петруниной, коллективные монографии по истории Балкан и Восточного вопроса), некоторые аспекты русско-греческих отношений ещё не нашли своего отражения в научной литературе. Они заслуживают внимания, поскольку

свидетельствуют о развитии русско-греческих политических связей на этапе их установления. Кроме того, миссия военных кораблей в водах Средиземного моря свидетельствовала о растущей мощи российского Черноморского флота, который выполнял разнообразные задачи по охране торгового судоходства, центром которого были греческие острова, а также наблюдательные и разведывательные функции на просторах Греческого архипелага.

Установление русско-греческих дипломатических отношений

Согласно условиям Лондонской конвенции от 6 июля 1827 г. три европейские державы – Россия, Англия и Франция – могли назначать в Грецию своих консулов. Однако в то время этой возможностью ни одна из держав не воспользовалась, поскольку Греция была охвачена военными действиями. После Наваринского сражения, в котором принимали участие флоты этих же держав, ранг предполагаемых представителей был поднят – теперь предполагалось послать туда поверенных в делах. От России поверенным в делах был назначен М.Н. Булгари – грек, принадлежавший к аристократической фамилии о. Корфу, известный своей приверженностью к России и служивший в Коллегии иностранных дел с 1809 г. (Арш 2009: 182). 5(17) сентября 1828 г. Булгари прибыл на о. Порос и вручил верительные грамоты И. Каподистрии. Дипломатической деятельности Булгари не вёл, поскольку судьба Греции ещё не была определена. По Адрианопольскому договору 1829 г., завершившему русско-турецкую войну, Греция получала автономию в составе Османской империи, что было явным достижением российской дипломатии, но вызвало недовольство со стороны Англии и Франции. Главным образом, оно явилось результатом неприятия того факта, что Россия «единолично» решила будущее устройство Греции, не прибегая к привлечению западных союзников. Решающую роль России в предоставлении Греции автономии, а затем и независимости признают и зарубежные исследователи (Frary 2015: 53). Правительства Англии и Франции приложили много усилий для того, чтобы 3 февраля 1830 г. был подписан совместный протокол о независимости Греции – за подписью уполномоченных России, Англии и Франции.

По завершении русско-турецкой войны российское дипломатическое представительство было учреждено в Навплии, куда и прибыл советник российской константинопольской миссии статский советник П.И. Рикман в качестве поверенного в делах. Пётр Иванович Рикман долгие годы прослужил в российской миссии в Константинополе, был опытным дипломатом и хорошо знал общую обстановку в регионе. Он не раз замещал посланника в Турции при его кратковременных отлучках из посольства. Об уважении к Рикману говорит и тот факт, что при отбытии в Грецию султан пожаловал ему бриллиантовую табакерку. К.В. Нессельроде просил Николая I сохранить ему жалование в 3000 рублей

годовых, которое он получал на своём посту советника в миссии¹. Российский посланник в Константинополе А.П. Бутенев сразу начал хлопотать о повышении жалования российскому представителю в Греции по причине дороговизны тамошней жизни. Он просил выдать Рикману 15 тыс. пиастров из остаточных сумм коммерческой контрибуции, которую Порты выплачивала России по итогам последней русско-турецкой войны.

По утверждённому штату миссии и консульств в Греции новое представительство России состояло из посланника и трёх секретарей, один из которых был драгоманом со знанием греческого языка. Первым секретарём по решению от 22 апреля 1830 г. был назначен коллежский советник граф Толстой, третьим секретарём – камеркамергер граф Салтыков, поначалу отправленный Бутеневым в Грецию курьером и оставленный там по решению от 19 апреля². Вместе с Рикманом в Грецию были назначены И.Э. Персиани – в качестве первого секретаря русской миссии и Кюстер – секретарём при российском консульстве. Жалование посланника составляло 12 тыс. рублей, а секретарей – полторы тысячи. Утверждались консульства в Морее (совр. Пелопоннес), Северной Греции, на островах Сира (совр. Сирос) и Кандия (совр. Крит). В Морее должен был находиться генеральный консул, на остальных постах – консулы; при каждом консульстве полагались драгоман³. В мае 1830 г. титулярный советник П.В. Кассини был причислен драгоманом к консульству в Северной Греции, куда он был переведён из Триеста⁴.

В 1832 г. в российскую миссию в Навплии получил назначение Д.В. Поленов – сын директора Департамента внутренних сношений российского МИД. Он ехал в Навплию через Константинополь и позже оставил воспоминания о годах, проведённых в Греции, напечатанные в «Русском архиве». Навплия, пишет автор, представляла собой заштатный город с узкими кривыми улицами и множеством турецких домов. Другой свидетель устройства российской миссии в Греции, К.М. Базили – будущий дипломат, принимавший участие в морской экспедиции П.И. Рикорда – так характеризовал греческую столицу: «Навплия представляет смесь зданий дряхлых с красивыми домами нового построения, улиц неопрятных, немощёных с прекрасным шоссе, венецианских казарм и турецких мечетей» (Базили 1834: 7). Тамошняя жизнь российских дипломатов представляла собой разительный контраст с повседневной жизнью российской миссии в турецкой столице, слывшей признанным центром константинопольского общества. Миссию в Константинополе посещали известные художники и литераторы, здесь ставились «домашние» спектакли, из России выписывались

1 Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ). Ф. СПб ГА IV-2. Оп. 119. Д. 17 (1830). Л. 1. К.В. Нессельроде Николаю I. 27 декабря 1829 г.

2 Там же. Д. 22 (1830). Л. 1; Д. 21 (1830). Л. 1.

3 Там же. Д. 25 (1830-1865). Л. 1 с об. Штат миссии в Греции и консульств.

4 Там же. Д. 2 (1830). Л. 7.

лучшие русские журналы и новые книги, и это была такая выгода, пишет Поленов, «которую можно найти не во всех европейских миссиях»⁵. Прибывший из турецкой столицы в Навплию Поленов нашёл, что «здешняя жизнь скучна до невероятности», в домах холодно, поскольку нет двойных рам, а печак население не имеет никакого понятия, обогреваясь турецкими мангалами.

Первые шаги российской дипломатии в Греции

Нерешительные действия России в годы греческой революции, связанные с нежеланием Николая I оказывать поддержку «бунтовщикам», самым пагубным образом отразились на позиции России в новом балканском государстве. После трагической гибели И. Каподистрии российское влияние в Греции было сильно подорвано в пользу Англии и Франции. Обе европейские державы имели в Греции партии своих сторонников, в то время как приверженцы Каподистрии были удалены со всех должностей. Ещё ранее Каподистрия писал Дж. Пальмерстрону в 1830 г., что положение в Греции сильно осложнилось «в результате помощи, оказываемой иностранными представителями тем, кто затевает антиправительственные интриги» (Международные отношения на Балканах... 1983: 286). Английская партия получила наибольший вес в освобождённой Греции. Новый британский посланник Э. Лайонс, прибывший в Афины в 1835 г., писал в Лондон: «Действительно независимая Греция – это абсурд. Греция может быть или русской, или английской» (Международные отношения на Балканах... 1990: 101). Кульминацией влияния Великобритании стало намерение послать в Россию дипломатическим представителем Греции англичанина – генерала Р. Чёрча, что вызвало резкий протест российского посланника, в результате чего назначение Чёрча не состоялось.

По Лондонской конвенции 1832 г., подписанной Россией, Англией и Францией с одной стороны, и Баварией – с другой, Греция была провозглашена «независимым монархическим государством» под гарантией трёх европейских дворов. Россия, Англия и Франция сошлись на решении выбрать для греческого престола сына баварского короля Людвиг I, принца Оттона, предоставив власть регентству до его совершеннолетия. На своём новом месте службы российский поверенный в делах должен был наладить отношения с правительством Греции, во главе которого стояло регентство в составе президента И. Армансперга, профессора Мюнхенского университета Г. Маурера и генерал-майора Г. Гейдека.

В январе 1833 г. король Оттон с многочисленной свитой прибыл в Навплию на судне «Мадагаскар». По этому поводу местные жители дали бал. Поленов вспоминает, что это мероприятие имело довольно жалкий вид – дождь, грязь

⁵ Из писем Д.В. Поленова во время поездки его в Грецию и службы при тамошнем посольстве в 1832–1835 гг. *Русский архив*. 1885. Кн. III. С. 25.

на улице; в экипаже прибыл только король, дамы пришли в сапогах, высоко поднимая свои нарядные юбки, чтобы не запачкать их – «хорошо, что это было ночью»⁶. Бал не принёс никакого удовольствия и не оставил приятного впечатления, пишет российский дипломат. Президент регентства – граф И.Л. Армансперг весьма сухо принимал русских представителей, чего нельзя было сказать о его обращении с англичанами и французами.

В тот же год на Пасху члены российской миссии собрались на торжественную службу в греческой церкви, где присутствовал сам король. Эта служба поразила российских дипломатов – священники одеты очень бедно, а в важнейших местах службы «воспитанники делали на караул и сильно стучали своими ружьями»⁷. Накануне светлого праздника русские заказали к своему столу пасху и кулич, но пасха из козьего молока неприятно пахла, а кулич оказался совершенно сырым – греки не были приучены к совершению праздничного обряда.

В 1833 г. посланником в Грецию был назначен Г.А. Катакази – в прошлом многолетний сотрудник русской константинопольской миссии, а затем личный секретарь графа Каподистрии. В июне того же года регентство приняло решение о переносе греческой столицы из Навплии в Афины. С прибытием Катакази российская миссия получила в греческой столице совершенно другой вес. Посланник установил приёмные дни, а на балах, с удовольствием посещаемых афинским обществом, присутствовало до сотни гостей.

В церкви при миссии «в самом хорошем порядке и со всем возможным здесь великолепием» начались службы. Из России прибыл архимандрит Ирнарх, находившийся ранее при российской миссии во Флоренции, а также дьякон и певчие. До приезда Катакази для членов российской миссии настоящим праздником было посещение обедни на фрегате адмирала П.И. Рикорда, эскадра которого стояла на рейде в Пирее, и приглашавшего для этого певчих, служивших ещё Каподистрии. Увидев, с каким небрежением отправлялись православные обряды в греческих церквях, «как желали мы услышать Божью службу на родном языке и должным приличием», – вспоминает Поленов. Устроенная по распоряжению Катакази церковь при российском посольстве была оснащена необходимой утварью, книгами и облачениями таким образом, чтобы «показать грекам пример порядка и благочиния», поскольку сама греческая церковь находилась «в самом бедственном состоянии, а служение в ней совершалось с величайшею небрежностью»⁸, к тому же духовенство не имело должного образования. Достаточно сказать, что для службы в кафедральном храме Св. Ирины в честь совершеннолетия короля Оттона греческое духовенство позаимствовало у российской миссии «ризы, крест, Евангелие и некоторую другую утварь», чтобы «блеснуть пышностью».

⁶ Из писем Д.В. Поленова.... С. 113.

⁷ Там же. С. 116.

⁸ Там же. С. 127.

После обретения Грецией независимости Святейший Синод стал уделять особое внимание состоянию греческой церкви. В 1833 г. Элладская церковь была объявлена независимой от константинопольского патриархата, что спровоцировало конфликт между патриархом и греческим правительством. Вскоре был назначен Синод из пяти епископов для управления делами Элладской церкви; на заседаниях Синода присутствовал королевский прокурор, а главой православной греческой церкви стал король-католик (Архангельский 1885: 161). Российское правительство попыталось упрочить свои связи с Греческим королевством, склоняя короля Оттона принять православие, однако потерпело в этом неудачу. Король обещал крестить по православному обряду своего наследника, но его брак оказался бездетным. «Это, без сомнения, самый чувствительный удар, когда-либо нанесенный русской чести», – писал австрийский канцлер К. Меттерних послу империи в Петербурге К. Фикельмону (Татищев 1887: 289). Акт принятия автокефалии был отрицательно оценен в России; это произошло в отсутствие российского представителя в Греции, поскольку выехавшего из Навплии Рикмана ещё не успел заменить Г.Ф. Катакази (Петрунина 2010: 230).

База русского флота на Поросе

После заключения Адрианопольского мира 1829 г. флоты союзных держав по договорённости ещё некоторое время осуществляли крейсерование берегов Архипелага. Русская эскадра под командованием адмирала Л.П. Гейдена учредила на о. Порос у берегов Пелопоннеса свою базу. Здесь были сооружены главный магазин, хлебный двор, кузница, пристани, бани. Порт Пороса считался одним из лучших в Архипелаге, а небольшие бухты Поросского порта получили названия по имени тех русских кораблей, которые первыми пришли в них на стоянку. Таким образом здесь существовали бухты Азовская, Гангутская, Эммануиловская, Владимирская (Базили 1834: 102). Весной 1830 г. Гейден получил приказ вывести крупные корабли эскадры в Чёрное море, оставив в Греции несколько малых судов под командованием вице-адмирала П.И. Рикорда. Его целью стала поддержка греческого правительства и охрана торговли русских купеческих судов в Средиземном море.

И. Каподистрия считал, что пребывание судов русского флота в Архипелаге выступает противовесом усилению позиций Англии и Франции в независимой Греции и предлагал учредить стоянку одного или двух судов эскадры П.И. Рикорда в Навплии (Палеолог, Сивинс 1867: 204). В 1832 г. Нессельроде писал Рикорду: «...удаление ваше из вод архипелажских нанесёт значительный подрыв нашему влиянию на новое правительство, передаст его под исключительную власть английских и французских резидентов» (Палеолог 1867: 242). Того же мнения придерживался морской министр А.В. Моллер: в мае 1832 г. он писал начальнику морского штаба князю Меншикову: «по существу политических

отношений наших к Греции, я нахожу ещё рановременным уменьшение сил наших в Архипелаге и полагаю необходимым оставить ещё на некоторое время эскадру нашу в нынешнем составе»⁹. Действительно, обстановка в Греции была далека от стабильности. В июле 1831 г. Рикорд оказал греческому президенту бесценную услугу по подавлению мятежа, начатого судовладельцами с о. Идра. Этот остров славился своими моряками, которые владели многочисленным флотом (около 80 судов) с командами от 35 до 60 человек. Судовладельческая олигархия во главе с А. Миаулисом, недовольная властью Каподистрии, намеревалась захватить базировавшиеся на Поросе суда греческого правительства и арсенал (Арш 2011: 14). Призванный на помощь Рикорд заявил, что готов сражаться с мятежниками, обстрелял их корабли и заставил ретироваться на Идру. По решению Пятого греческого народного собрания 4(16) марта 1832 г. вице-адмиралу П.И. Рикорду за особые заслуги было присвоено звание греческого гражданина. По возвращении в Россию 31 августа 1833 г. за отличие во время командования отрядом в греческих водах Рикорд был награждён орденом Св. Владимира 2-й степени.

Вопрос о посылке военных бригов в Грецию решался отдельно. По условиям Адрианопольского договора Россия имела право направлять свои торговые корабли через Босфор и Дарданеллы в Средиземное море. Однако военные корабли не имели этого права. Исключение делалось Портой только для небольших военных бригов, которые посылались из Чёрного моря в распоряжение Константинопольского посольства, а с 1830 г. – в распоряжение миссии России в Греции. Они должны были осуществлять почтовую связь с Одессой и выполнять поручения российских дипломатических представителей, а также греческого правительства. Экипажи кораблей находились в подчинении российских миссий в Константинополе и Навплии (позже – в Афинах). Но даже получив у Порты право проводить свои военные суда через Проливы в Грецию, каждый раз при смене дежурных при российской миссии кораблей требовалось получать от турецкого правительства новое разрешение. В секретной переписке вице-канцлера с начальником морского штаба говорилось о желательности исходатайствования российским посланником в Константинополе свободного прохода русских бригов, возвращавшихся в Чёрное море. При этом Нессельроде просил, вероятно, чтобы не раздражать Порту, о том, чтобы бриги «не вместе прошли, а один после другого спустя, по крайней мере, недели две»¹⁰. Чтобы избежать лишних объяснений с османским правительством, российский посланник А.П. Бутенев в секретном письме на имя начальника Черноморского флота и портов М.П. Лазарева предлагал послать в Грецию бриг «Фемистокл»,

⁹ АВПРИ. Ф. Азиатский департамент. Оп. 729/2. Д. 10 (1831). А.В. Моллер А.С. Меншикову. 18 мая 1832 г.

¹⁰ АВПРИ. Ф. Азиатский департамент. Оп. 729/2. Д. 10. Л. 31 об. К.В. Нессельроде А.С. Меншикову. 20 июля 1834 г. Секретно.

состоявший при константинопольской миссии, что и было сделано¹¹. Кроме того, во избежание осложнений, Бутенев предлагал посылать в Грецию «мелкие суда», чтобы не вызывать подозрений Порты в проводе через Проливы русских военных судов.

М.П. Лазарев, переписываясь с поверенным в делах в Афинах И.Э. Персиани, выражал надежду на то, что сможет получить от него сведения «о всем том, что в особенности при настоящем положении политических дел может быть полезно для Черноморского флота»¹². Под особыми политическими обстоятельствами, вероятно, подразумевался продолжавшийся Восточный кризис, заставлявший в особом режиме содержать суда Черноморского флота. Сам Лазарев пользовался большим уважением греческих властей. В 1836 г. король Оттон намеревался наградить его орденом Спасителя 2-й степени за участие в Наваринском сражении¹³. И хотя со времени морской битвы прошло уже почти десятилетие, это намерение свидетельствует о том значении, которое греческие власти придавали поддержке России, оказанной в прошедшем сражении за свободу Греции.

Базой русских лёгких судов в греческих водах служил остров Порос. Ещё в 1829 г. под надзором адмирала Гейдена на Поросе были построены здания, необходимые дислоцированному здесь русскому флоту. В собственности русских находились здания лазарета и «магазинна»; эти постройки перешли в ведение остававшейся в Архипелаге эскадры Рикорда. К тому времени жители Пороса вполне привыкли к присутствию русского флота. Посетивший остров и оставивший записки об этом К.М. Базили – грек на русской дипломатической службе – писал: «Можно счесть Порос русским городком, а Морейский берег – цветущею деревнею полуденной России. Жители почти все понимают наш язык, и много молодых пориотов свободно говорят по-русски» (Базили 1834: 79). Но в 1833 г. П.И. Рикорд получил предписание князя А.С. Меншикова вернуться в Россию в черноморские порты¹⁴. При этом Меншиков распорядился «о сохранении предметов, коих на суда сии поместить будет невозможно». Следовало перевезти их на транспортах или зафрахтованных судах, а при невозможности – продать на месте¹⁵.

Поскольку миссия эскадры Рикорда была завершена, было неизвестно, на какой срок остаются русские бриги на Поросе. Вице-адмирал предполагал оставить им провизии на полтора года. «По недостатку здесь красного вина я напишу в Мальту нашим корреспондентам Жалл Бено и Ко о высылке оною для двух бригов», – сообщал Рикорд российскому посланнику. Следует отметить,

¹¹ Там же. Л. 46 с об. А.П. Бутенев М.П. Лазареву. Сентябрь 1834 г. Секретно.

¹² АВПРИ. Ф. 165. Афины-миссия. Оп. 507. Д. 357 (1836-1841). Л. 62. М.П. Лазарев И.Е. Персиани. 19 ноября 1840 г.

¹³ Там же. Л. 68. К.В. Нессельроде М.П. Лазареву. 24 марта 1836 г.

¹⁴ АВПРИ. Ф. 165. Афины-миссия. Оп. 507. Д. 102 (1833-1839). Л. 2. П.И. Рикорд Г.А. Катакази. 26 июня 1833 г.

¹⁵ Там же. Л. 2 об.

что красное вино считалось, кроме всего прочего, средством от «заразительных болезней», свирепствовавших в южных странах, и его достаточное количество всегда имелось на борту российских торговых и военных судов для членов команды. Так, ещё в 1806 г. командующему фрегата «Крепкий», шедшему из Севастополя на Корфу с батальоном десантных войск, предписывалось, наряду со снабжением команды провизией, предоставлять каждому «вина ренского по три чарки в день» – итого, на команду 45 чарок, или два ведра¹⁶.

Остальные запасы русской базы на Поросе были переданы командирам бригаов и должны были храниться в «магезейне» под присмотром офицера. Кроме того, экипажам двух бригаов оставлялось жалование за майскую треть и некоторая сумма на экстраординарные расходы. Рикорд в докладе Катакази оставил подробное описание собственности русского отряда на Поросе. А она была не маленькой: кузница, солдатская и офицерская бани, сараи, пекарни, лазарет и «магазинны». Описи содержали даже такие сведения, как количество окон и дверей во всех описанных зданиях, каковы в них крыши и пол, количество крючков и чанов в банях. Некий баварский инженер оценил все здания в 5 тыс. испанских талеров, или в 30 тыс. драхм¹⁷. Здесь же находился полностью разрушенный российский корабль «Емануил», ценность которого заключалась в медной обшивке, которую греки были готовы купить за 10 тыс. испанских талеров. После описи русского имущества все постройки были переданы греческому правительству, а караульные из греков, получавшие за свою службу по 6 талеров, уволены.

Рикорд предупреждал, что земля под описанными постройками России не принадлежит. Этот вопрос оказался весьма важным, поскольку среди западных правительств появились опасения, не хочет ли Россия «иметь в здешнем королевстве постоянное морское пристанище». Эти опасения не были беспочвенными, поскольку русские матросы пользовались уважением местного населения, а Россия ранее постоянно выступала за предоставление независимости Греции и оказывала ей поддержку в освободительной борьбе. В Англии и Франции опасались усиления русского влияния в этой части Балканского полуострова и прилагали немало усилий для того, чтобы перехватить инициативу у российских властей в оказании помощи греческим повстанцам.

Нессельроде повелел оставить в распоряжении российского посланника в Греции два бригаа: «Аякс» под командованием капитан-лейтенанта Лаврова и «Парис» под командованием лейтенанта Тверинова. Вице-адмирал П.И. Рикорд с борта фрегата «Княгиня Лович» в Монастырской бухте острова Порос составил предписание командиру бригаа «Аякс» капитан-лейтенанту Лаврову¹⁸:

¹⁶ Там же. Ф. 178. Миссия на Ионических островах. Оп. 618. Д. 36. Л. 10.

¹⁷ Там же. Ф. 165. Афины-миссия. Оп. 507. Д. 102 (1833-1839). Л. 29.

¹⁸ Там же. Д. 249 (1833-1839). Л. 2-7. Предписание вице-адмирала Рикорда командиру бригаа «Аякс» капитан-лейтенанту Лаврову. 2 июля 1833 г.

«Ваши отличные качества и опытность в морском деле, благородство господ подчинённых вам офицеров сих судов, воинский дух и добрая нравственность наших матросов служат мне верною порукою, что достоинство флага Его Императорского Величества ни в каком случае уронено не будет»¹⁹. В предписании говорилось о том, что в распоряжение российского посланника в Греции Г.А. Катакази переходят бригаи «Аякс» и «Парис». Их основная задача – состоять при российской миссии и исполнять поручения посланника, а также греческого королевского регентства. За первую треть 1833 г. на команды двух судов выделялось 1 тыс. талеров.

Бригаи находились в двойном подчинении – российского Министерства иностранных дел и Морского министерства. Со стороны МИД командам поручалось доставлять дипломатические депеши в Дарданеллы и Константинополь. Срочные донесения о состоянии судов и команд предписывалось подготавливать на основании постановления Инспекторского департамента Главного морского штаба по хозяйственной части и направлять в Комиссариатский департамент Морского министерства, а об особенных случаях сообщать начальнику Главного морского штаба. Все донесения и отчёты следовало передавать через российского посланника в Греции.

В предписании Рикорда были описаны обязанности командиров и команд бригаов; в частности, они должны были охранять от пиратов российские купеческие суда. В документе подробно расписывались правила морской жизни российских судов. Так, при встрече с иностранными военными судами следовало соблюдать «приличный военный этикет». Во время стоянки бригаов в иностранном порту при спуске команды на берег в свободные часы при ней должны находиться офицеры, «кои обязаны строго наблюдать за благочинием матросов». Российские торжественные дни предписывалось праздновать со всеми почестями. При посещении бригаов греческим королём или регентами – салютовать. В сношения с иностранными командирами по делам Греции входить строго запрещалось. Кроме того, командирам надлежало обращать внимание на поддержание здоровья команды, для чего следовало «покупать мясо и зелень у грека Георгия Тавалари, с которым у нас контракт на поставку».

Бригаи «Аякс» и «Парис» находились в греческих водах до ноября 1834 г., когда им на смену прибыл 20-пушечный корвет «Ифигения» под командованием лейтенанта Е.В. Путятин и бриг «Фемистокл» под командованием лейтенанта В.А. Корнилова²⁰. А.П. Бутенев сообщал Г.А. Катакази, что по распоряжению Лазарева оставляет при миссии в турецкой столице корвет «Пендераклия», а вместо него посылает в Грецию бриг «Фемистокл». При этом он дал весьма лестную характеристику его командиру лейтенанту Корнилову, как «отличному

¹⁹ Там же. Л. 5 об.

²⁰ Там же. Л.12. Е.В. Путятин Г.А. Катакази. 4 ноября 1834 г.

и образованному офицеру во всех отношениях»²¹. Уже в ноябре 1834 г. Корнилов направил российскому посланнику в Греции ведомость со своего брига. Кроме командира, в команде числились четыре мичмана, штурман, артиллерист и экипаж в составе 151 человека, из них шесть обер-офицеров, 16 унтер-офицеров и 111 рядовых²².

На службе российской миссии и правительства Греции

Смена шхун в греческих водах происходила ежегодно. В июне 1835 г. произошла очередная смена: корвет «Сизополь» с командой в 220 человек под командованием Мессера сменил бриг «Фемистокл», а на смену корвету «Ифигения» отправилась шхуна «Гонец» под командованием адъютанта М.П. Лазарева лейтенанта В.И. Истомина²³. Шхуна имела 85 человек команды, помимо офицеров и мичманов. Кроме того, на борту числились лекарь, плотник и музыканты. Одним из рейдов шхуна Истомина доставила пятерых певчих из хора Кишинёвского архиерея для посольской церкви афинской миссии²⁴. После таких рейдов суда, прибывавшие из Константинополя, по требованию Министерства иностранных дел Греции должны были проходить семидневный карантин²⁵.

В августе 1836 г. корвет «Сизополь» был сменён бригам «Фемистокл», а место шхуны «Гонец» занял тендер «Луч»²⁶. Из главного управления черноморского флота и портов, располагавшегося в Николаеве, Лазарев оповещал российского посланника в Греции в ноябре 1839 г. о посылке корвета «Ифигения» под командованием капитана второго ранга Юхарина на смену бригам «Эндимион» под командованием капитан-лейтенанта Зорина. Тогда же тендер «Струя» (лейтенант Соковнин) сменил шхуну «Ласточка» (лейтенант Истомин)²⁷. В мае 1841 г. шхуна «Гонец» сменила тендер «Струя». В июне 1842 г. на смену шхуне «Гонец» отправлен бриг «Паламед» (капитан-лейтенант Бартенев), а на смену корвета «Пилад» – корвет «Андромаха» (капитан-лейтенант Истомин)²⁸. В 1843 г. шхуна «Вестник» сменила бриг «Паламед», а бриг «Персей» – корвет «Андромаха»²⁹. Всего на содержание судов Черноморского флота в Греческих водах выделялось 26 тыс. рублей серебром или 92 тыс. рублей ассигнациями на одну треть года³⁰. Командиры судов пользовались уважением греческих властей, а российский

²¹ Там же. Л. 12 об. А.П. Бутенев Г.А. Катакази. 22 ноября 1834 г.

²² Там же. Л. 16-17. В.А. Корнилов Г.А. Катакази. 28 ноября 1834 г.

²³ Там же. Л. 33, 35, 42. А.П. Бутенев Г.А. Катакази. 20 июня 1835 г.; Мессер Г.А. Катакази. 7 июля 1835 г.; М.П. Лазарев Г.А. Катакази. 5 июля 1835 г.

²⁴ Там же. Л. 47. В.И. Истомин Г.А. Катакази. 14 октября 1835 г.

²⁵ Там же. Л. 56. МИД Греции Г.А. Катакази. 10 февраля 1834 г.

²⁶ Там же. Л. 57, 59. М.П. Лазарев Г.А. Катакази. 18 и 31 августа 1836 г.

²⁷ Там же. Д. 357. Л. 17, 20. М.П. Лазарев Г.А. Катакази. 17 ноября 1839 г.

²⁸ Там же. Д. 439. Л. 8, 5, 10. Июня 1842 г.

²⁹ Там же. Д. 461. Л. 3; Д. 311. Л. 4.

³⁰ Там же. Д. 357. Л. 32. М.П. Лазарев Г.А. Катакази. 10 февраля 1840 г.

посланник давал им лестную характеристику. В январе 1840 г. Катакази отправил Лазареву похвальное письмо о командире «Ласточки» лейтенанте Истоимине, «в отношении порядка на судне и постоянной готовности и ревности, с которыми он исполнял поручения высочайше вверенной мне миссии»³¹.

Таким образом, к афинской миссии, так же как к константинопольской, были приписаны несколько небольших военных судов, которые сменяли друг друга с ежегодным интервалом. Капитаны этих судов несли службу в греческих водах в течение нескольких таких командировок. Они в основном выполняли поручения дипломатического характера. Так, в 1836 г. Истомин получил предписание греческого посланника выйти на своей шхуне «Гонец» в Смирну для передачи депеш прибывшему туда же секретарю константинопольской миссии В.П. Титову³². Шхуна находилась в походе с 23 января по 18 февраля. Летом того же года Истомин выполнял ещё одно поручение российского посланника: он привёз в Александрию бумаги для передачи генеральному консулу в Египте А.О. Дюгамелю. Поскольку Дюгамель отбыл в то время в Сирию, Истомин передал бумаги первому драгоману консульства Просперу Лавизону, после чего отбыл в Эгину³³.

Восточный кризис конца 30-х гг. потребовал военного вмешательства греческого флота: по требованию генерального консула в Александрии А.И. Медема тендер «Струя» под командованием лейтенанта Соковнина прибыл в Египет «для охранения консульства и имущества российских подданных в теперешних смутных обстоятельствах»³⁴.

Конечно, содержание судов требовало внимания и затрат. В апреле 1836 г. во время очередной командировки в Грецию капитан шхуны «Гонец» Истомин докладывал российскому посланнику о том, что шхуну хорошо бы покрасить³⁵. Для того, «чтобы привести шхуну в приличный вид», Истомин отпрашивался на Порос. Неизвестно, получил ли он такое разрешение, однако в сентябре того же года, сменяясь с тендером «Луч» под командованием лейтенанта Панфилова, прибывшим в Грецию, Истомин опять напоминал Катакази о том, что «Гонец» требует починки³⁶.

Служба в греческих водах была полна неожиданных ситуаций, которые нужно было решать незамедлительно. Вот некоторые из них. В мае 1836 г. Истомин докладывал российскому посланнику, что к нему обратился русский солдат, который начал службу во время русско-турецкой войны 1828–1829 гг., названный в документе «Иван Назаров Кулеба». По его словам, он был крестьянином помещика графа Потоцкого Киевской губернии, Черкасского уезда, села

³¹ Там же. Л. 98. Г.А. Катакази М.П. Лазареву. 7 января 1840 г.

³² Там же. Д. 356. Л. 3 с об. В.И. Истомин Г.А. Катакази. 18 февраля 1836 г.

³³ Там же. Л. 71-72. В.И. Истомин Г.А. Катакази. 27 июня 1836 г.

³⁴ Там же. Д. 357. Л. 110. Г.А. Катакази М.П. Лазареву. 25 сентября 1840 г.

³⁵ Там же. Д. 356. Л. 31. В.И. Истомин Г.А. Катакази. 11 апреля 1836 г.

³⁶ Там же. Л. 89. В.И. Истомин Г.А. Катакази. 26 сентября 1836 г.

Визевка. Попав в плен в 1828 г., он бежал в Грецию, но, прослышав, что в Пирее стоят русские суда, прибыл сюда и заявил, что хочет служить своему государю³⁷. Вероятно, Иван Кулеба был взят на борт, поскольку история имела продолжение. Уже в июле Истомин сообщал Катакази, что двое солдат – Иван Кулеба и Иван Александров 3 июля «скрылись» в Поросе со шхуны. Документ имеет карандашную пометку Катакази, вполне примечательную: «Жалеть нечего о побеге сих негодяев, но впредь господа командиры не должны пускать на берег таких сомнительных людей, которые не делают честь русскому имени»³⁸.

Второй случай произошёл в конце 1840 г. Российский бриг «Эндимион» при входе на афинский рейд в Пирее столкнулся с лодкой, в результате чего её владелец, грек Мавро Фалассити, погиб. В апреле 1842 г. Лазарев распорядился выдать семейству Фалассити 600 драхм. Однако выдача была приостановлена, поскольку ранее семейство получило от российского МИД компенсации в размере 1 тыс. драхм³⁹.

Капитаны судов сталкивались и с прямыми провокациями. В декабре 1841 г. Лазарев прислал предписание капитану корвета «Пиллад» капитан-лейтенанту Алексееву немедленно удалить с корвета переводчика Ивана Любibrатича и впредь не принимать его ни на какие суда в Греции и в Константинополе⁴⁰. Это распоряжение было ответом на секретное донесение Катакази, который просил запретить «вход на военные наши суда иностранцев». Уроженец Рагузы Иван Любibrатич – писал Катакази – был переводчиком и вхож на российские суда, поскольку знает русский и греческий языки. По словам посланника, он состоял в тесных отношениях с российскими командирами и офицерами. По некоторым подозрениям, Любibrатич был связан с контрабандной торговлей, о чём греческое правительство предупреждало российскую миссию, обратившись с жалобой на переводчика⁴¹.

Сохранились свидетельства отличной выучки и отважных действий команды русских судов при опасных обстоятельствах. Так, в июне 1839 г. в порту Пирея произошёл пожар, который, будучи замечен с корвета «Ифигения», был потушен русскими матросами. Действия лейтенанта Степанова и мичманов Жерве и Шестакова были отмечены капитаном 2-го ранга Юхариным. Кроме того, писал Юхарин, «нижние чины, подвергая себя опасности, показали перед всеми иностранцами себя достойными имени русских»⁴².

Вероятно, мнение «иностранцев» значило много, что подтверждает следующий случай. В июле 1837 г. капитан-лейтенант Метлин докладывал Катакази, а тот, в свою очередь – директору Азиатского департамента МИД

³⁷ Там же. Л. 64-65. В.И. Истомин Г.А. Катакази. 22 мая 1836.

³⁸ Там же. Л. 76. В.И. Истомин Г.А. Катакази. 7 июля 1836 г.

³⁹ Там же. Д. 439. Л. 5-6, 9-11. М.П. Лазарев Г.А. Катакази. 30 апреля 1842 г.

⁴⁰ Там же. Д. 439. Л. 2. М.П. Лазарев Г.А. Катакази. 12 декабря 1841 г.

⁴¹ Там же. Д. 357. Л. 131. Г.А. Катакази М.П. Лазареву. 24 октября 1841 г. Партикулярно. Секретно.

⁴² Там же. Ф. Азиатский департамент. Оп. 729/2. Д. 10. Л. 199 с об. Юхарин Г.А. Катакази. 14 июня. 1839 г.

К.К. Родофиникину об эпизоде, названным «анекдотом», заслуживающим внимания высокого начальства. Команда брига «Фемистокл», будучи отпущена на берег в порту Пирея, стала свидетелем учений английских матросов со знаменитого брига «Портланд». Англичане стреляли из пушки по мишени, но попасть не могли. Тогда англичане выбрали первого попавшегося русского матроса – им оказался Пётр Петров, который и попал «в яблочко» первым же выстрелом. Это событие «не есть диво для русских», писал Катакази .

Заключение

Военные суда при российском посольстве в Афинах, входившие в состав Черноморского флота России, выполняли важную военно-дипломатическую миссию. Как часть дипломатического обеспечения российской миссии в греческой столице, они осуществляли почтовое сообщение с константинопольской миссией, через которую шла связь российских представителей в Греции с российским МИД. Кроме того, суда должны были выполнять поручения греческого правительства, что также входило в обязанности дипломатического корпуса российской миссии в Навплии и Афинах.

В числе командиров судов были будущие герои Севастопольской обороны В.И. Истомина и В.А. Корнилов, которые в службе при миссии нарабатывали морской опыт, развитый в последующие годы. В ходе Крымской войны они организовали оборону Севастополя и оба погибли на Малаховом кургане. Е.В. Путятин, также заслуживший самые лестные отзывы руководства финской миссии, в дальнейшем стал не только прославленным адмиралом, но и выдающимся дипломатом. В 1852 г. он совершил экспедицию к берегам Дальнего Востока на фрегате «Паллада» и заключил в 1855 г. Симодский трактат – первый русско-японский договор о дружбе и торговле между Россией и Японией. Руководство российской миссии в Афинах давало самую высокую оценку деятельности этих капитанов на своём посту, их деловым качествам и морской выучке.

Сведения, приводимые в переписке Российского посланника в Греции с российским МИД и руководителем Черноморского флота и портов, представляют собой совершенно новую станицу в освещении деятельности российских военных судов в греческих водах, до сих пор неизвестную и не нашедшую освещения в научной литературе. Тот факт, что в составе офицеров греческой флотилии были и будущие герои Крымской войны, делает особенно ценным всё, касающееся их пребывания в Пирее и на Поросе.

⁴³ Там же. Л. 215–216. Метлин Г.А. Катакази; Г.А. Катакази К.К. Родофиникину, 21 июля 1837 г.

Об авторе:

Елена Петровна Кудрявцева – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела «Россия в международных отношениях» Института российской истории РАН. 117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19. E-mail: demetr22@mail.ru

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

UDC: 327(495:470)"18"+359.09(470.75)
Received: March 10, 2025
Accepted for publication: June 11, 2025

Black Sea Navy in the Service of the First Diplomatic Mission of Russia in Greece

 E.P. Kudryavtseva
[DOI 10.24833/2071-8160-2025-3-102-51-68](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2025-3-102-51-68)

Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences

Abstract: The article presents an in-depth examination of previously unexplored historical materials regarding the role of Russian naval forces in supporting Russia's first diplomatic mission established in Greece shortly after the country gained independence. Drawing on a range of newly discovered archival documents from the Archive of Foreign Policy of the Russian Empire under the Ministry of Foreign Affairs, this research sheds light on the activities and contributions of Russian warships belonging to the Black Sea Fleet, which operated near the Peloponnese in close proximity to the Greek diplomatic establishments in Nafplio and Athens. Due to the restrictive conditions set forth by earlier Russian-Turkish treaties, Russia required special permission from the Ottoman Empire to pass its naval vessels through the Black Sea straits. This unique arrangement allowed a limited number of light warships to provide logistical support, facilitate urgent diplomatic assignments, and ensure secure diplomatic correspondence.

The Russian naval presence was notably concentrated on the island of Poros, strategically located near the port of Piraeus. This location served as a vital operational base, fostering closer diplomatic and maritime cooperation between Russia and the newly formed Greek state. Noteworthy among the commanders who annually rotated into this diplomatic naval service were future prominent figures in Russian naval history: young lieutenants Vladimir Kornilov, Vladimir Istomin, and Yevfimiy Putyatin. These officers, who would later gain widespread recognition as distinguished admirals and diplomats, gained invaluable early career experience through their assignments in Greek waters.

The study further emphasizes the multifaceted role of Russian naval forces, not only in providing diplomatic and logistical support but also in conducting critical surveillance, intelligence gathering, and protection of merchant shipping throughout the Greek Archipelago.

Ultimately, this detailed investigation underscores the significant yet largely unrecognized contribution of the Russian Black Sea Fleet to Russian-Greek diplomatic relations, illuminating an important chapter in maritime and diplomatic history during Greece's formative years as an independent state.

Keywords: Russian-Greece relations, embassy, Archipelago, Black Sea Fleet, diplomacy, warships

About the author:

Elena P. Kudryavtseva – Doctor of History, leading research worker in the department «Russia in the international relations» in the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences. 117036, Moscow, ul. Dm. Ulianov, 19. E-mail: demetr22@mail.ru

Conflict of interests:

The author declares the absence of conflict of interests.

References:

Frary L. 2015. *Russia and the Making of Modern Greek Identity, 1821–1844*. Oxford. Oxford univ. press. 296 p.

Arsh G.L. 2009. Ustanovlenije rusko-grecheskikh diplomaticheskikh otnoshenij (1828–1833) [Establishment of the Russian-Greece diplomatic relations (1828–1833)]. *Voyna otkrivshaja epohu v istorii Balkan (K 180-letiju Adrianopolskogo mira)*. Moscow. P. 182–191 (In Russian)

Arsh G.L. 2011. Admiral P.I. Rikord v Grecii (1828–1833) [Admiral P.I. Rikord in Greece (1828–1833)]. *Obscii stranici rossijskoj i greceskoj istorii*. Moscow. P. 11–20 (In Russian)

Bazili K.M. 1834. *Arhipelag i Grecija v 1830–1831 godah* [The Archipelago and Greece in 1830–1831]. Ch.1. Saint Petersburg. Tip. N. Greca. 256 p. (In Russian).

Fadeev A.V. 1958. *Rossija i Vostochnij krizis 20-h godov XIX veka* [Russia and the Eastern Crisis of 20-th of 19th Century]. Moscow: Izd-vo akademii nauk SSSR. 396 p. (In Russian)

Mezhdunarodnije otnoshenija na Balkanah. 1815–1830 [International Relations on the Balkans. 1815–1830]. 1983. Moscow. Nauka. 296 p. (In Russian).

Mezhdunarodnije otnoshenija na Balkanah. 1830–1856. [International relations on the Balkans. 1830–1856]. 1990. Moscow. Nauka. 349 p. (In Russian).

Paleolog G., Sivins M. 1867. *Istoricheskij ocherk narodnoj vojni za nezavisimost Grecii I vostanovlenije korolevstva pri vmeshatelstve velikih derzav Rossii, Anglii i Francii* [The Historical Essay of the People's War for Independence of Greece and Recovery of the Kingdom with the Intervention of Russia, England and France]. Saint Petersburg. Tip. morskogo ministerstva. 214 p. (In Russian).

Tatiscev S.S. 1887. *Vneshnaja politika imperatora Nikolaja I* [The Foreign Policy of Emperor Nikolaus I]. Saint Petersburg. Tip. I.N. Skorohodova. 639 p. (In Russian).

Список литературы на русском языке:

Архангельский В. 1885. *Очерк истории греческой церкви со времени падения Константинополя до наших дней*. Москва: тип. Л.Ф. Снегирева. 302 с.

Арш Г.Л. 2009. Установление русско-греческих дипломатических отношений (1828–1833). *Война, открывшая эпоху в истории Балкан (К 180-летию Адрианопольского мира)*. Москва.

Арш Г.Л. 2011. Адмирал П.И. Рикорд в Греции (1828–1833). *Общие страницы российской и греческой истории*. Москва.

Базили К.М. 1834. *Архипелаг и Греция в 1830–1831 годах*. Ч.1. Санкт-Петербург: Тип. Н. Греча. 256 с.

Международные отношения на Балканах. 1815–1830. 1983. Москва: Наука. 296 с.

Международные отношения на Балканах. 1830–1856 гг. 1990. Москва: Наука. 349 с.

Палеолог Г., Сивинс М. 1867. *Исторический очерк народной войны за независимость Греции и восстановление королевства при вмешательстве великих держав России, Англии и Франции*. Санкт-Петербург: Тип. Морского министерства. 214 с.

Татищев С.С. 1887. *Внешняя политика императора Николая I*. Санкт-Петербург: Тип. И.Н. Скороходова. 639 с.

Фадеев А.В. 1958. *Россия и Восточный кризис 20-х годов XIX века*. Москва: Изд-во акад. наук СССР. 396 с.